

Сказание о Прокудливом дереве

небыль четвёртая, концевая

→ Более всего Прокуду угнетало безделье да праздность. Пребыванье в делах, сиречь в занятиях насущной креативной злокознью и значило для дурова: “быть”, “существовать”.

Тогда-то оно ликовало, цвело, да цвело наизнанку, наоборот: не от голого к пышному, а от густости к лысому.

От скуки ж, в досуге, напротив того: затевало густеть-зеленеть пышной хвоей, пятиться вспять – к жизни зеленью, да, опомнившись разом, возвращалось к привычному, лысому: не пристало коряге, себя уважающей, услаждать красотой прохожие взоры. Неприлично порядочному злу бездельничать, себя не чинить, вредоносный свой гений таить, а не щедро дарить его – горем являть да лихом неожиданным! Оттого и фамильный девиз, оставшийся от затерянного в веках родового герба Прокуды, малопонятный иным, но для дурова – наполненный смыслом, гласит:

«... дурово назад не пятится – ни завтра, ни вчера, ни в пятницу!..»

Но: было дело, чего уж там, наслушалось как-то дурово Голосов всяческих праведных, сладких, да внезапно и возжелало выправиться – поправить, то и больше:

- светло думить и светло дышать; да так же запеть;
- сбережения все, без остатка! перечислить в Зверосердия Фонды: СМС-ками благостными, платными;
- приодеться позитивом в обтяжку;
- усыновить личинки Долгоносиков и Жука-древоточца, да ещё Лубоёда-жука, что из трудовой династии Короедов выходец;
- древесный приют из себя учинить для гусениц всяких, да тлей, да прочей досадной гнусины: оводов, мух, комаров, червяков, да крыс, да иных грызунов, что корни-стволы у деревьев точить приспособились: пусть им будет, тварям, комфортно!
- да после податься в стада волонтеров: окучивать хрены на грядках да околачивать плодоносные груши, чтоб падали груши, но чтобы небольно и грушам приятно;
- затеять флешмоб актуально-эпический, скажем: собрать позитивных Репьев, именуемых также Лопухами Большими, да выстроить их немаленьким смайлом: “смайлище обло, озорно-огромно, стопятьсотзёвно и позитивно!” А учинить тот пафос эпический – на месте пшеничного поля поболе, чтоб из космоса всякий, проходящий по случаю мимо, такой позитив мегаформата мог заценить без телескопа, да сразу проникнуться! коли ж доставило – так и лайков отсыпать!
- всяко инако благо чинить да по-совести-жить против лиха...

Но: выправленным быть да правильным – как-то сёро да пресно: до тошноты.

А светлые думы влекут за собою мутные будни. И светло дышать – шиш покуришь...

Но всё же, всё же... С тоскою заглядывался порою Прокуда на стройные рудовые леса, на кряковистые, кряжестые дубы, на стать плодоносных гордянок-спесивец, осыпанных щедро плодами пахучими... Ему же, Прокуде, достались в удел лишь редкие шмотья высохшей хвои: бурнастой – рыжей, да тускло-синюшной. Да ещё вот – застывшие брызги то ли смолы, то ли чьей-то проклятой памяти, но и те – не россыпью дивною скатного жемчуга, а мутными бурыми ляпками...

Посему и искало дерево-дурово иные Просторы, где иная судьба – для таких...

Ведь каждый Простор – он с собственной Волей, и где-то же есть – быть должна! – дурья страна, дурья земля, дурья просторы, где Прокуды – свои, где вся жизнь – кулемеса, верещда, виловатость, извобистость, проказа да пакость.

Из ведомых дурову стран да просторов – на то не тянул ни один предел, даже Западл – со всей его ливерастной гнусью: гнись лапотворна, и ходит на лапах, она не есть соль земли, она только плесень. И разве же Западл столь монолитен? Разве уж всё там изъедено ржой? То пока ещё – под вопросом... Нет! Дурья земля, она – где-то там: в непроходимых, бездонных болотах, затянутых поверх зыбуном да трясиной! Где обитают, да там же и роят рудознатцы косматые – в топях, не различая жилище и копи! Да ещё кузнецы вида зверского козни куют на дьявольских кузнях, да лютый металл льют для чудо-хреновин, что сами собой будут жить, а над живностью – властвовать!..

Есть та земля! Есть дурий край, тонущий в тёмях, тающий в тёмях – до времени тающий: ждущий черёд свой – всё поглатить-проглотить...

А значит – и дурову ждать.

Эхо Сосны

Пока ж суд да дело, да ожидание,

дабы зеленью не загуститься да не зацвести ненароком от беззлобия праздного – затеяло Прокудливо дурово вередный пустяк: проказу смутную, местечковую – ради тренинга да вялого смеха:

корпорацию учредило медиа под лейблом-прозвищем звучным: “Эхо Сосны”. Да возглавило – но хитро так, со стороны: токмо Совет Попечительный, подставных же начальников-попок в избытке крутилось.

Чаще ж иных залётывал Пупа, тролль да вратель кархадский:

вот уж кому тут было и любо и сытно! – ведь всякую птичность, на Эхо залётную, Прокуда подкармливал знатно – гнусиной древесною всякою:

опарышами да червячками, да личинками, да жучками короедными и гусеничками, клопами вонючими да мошкой, блошкой, тлями и разной иной птичьей сладостью... и птичность та благодарная нащербетала девиз-квинтэссенцию для корпорации –

максиму, императив, модус вивенди и операнде, к заучиванию и исполнению обязательный всем – прибывшим и бывшим – подобно Уставу:

«... От “патриотизма” нас вишнево тошнит, и мы блюём:

болотными опарышами, лярными клопами, гуллявыми тараканами, земляничными червячками, мельничными хрущачками, шустрыми гусеничками, гнилыми орешками, берцовыми косточками, коховыми палочками, капустными вошками, костяными блошками, боровичками да поганками, непереваренной шандрою, кишечною ахинеею и старыми макарóшками!.. ещё и понóсим...

и Эхо этого нашего смеха доносится!..»

... А и потешалось же Прокудливо дурово всласть да над всеми:

и кто вещал, и кто слушал, и над теми, кто верил, и кто брызгал слюной, опровергая да споря, –

все ж они испепеляли время жизни своё да чужое:

в зряшном, пустом, злоразычном, смысл себе обретая в яростных грачах...